

Ю.Ю. БЕЛОВА

АЛКОГОЛИЗМ, УГРОЗА ИДЕНТИЧНОСТИ И МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ МОЛОДЕЖИ (по материалам экспедиции в Псковскую область)

БЕЛОВА Юлия Юрьевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института статистических исследований и экономики знаний, доцент кафедры экономической социологии, старший научный сотрудник лаборатории экономико-социологических исследований НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (ybelova@hse.ru).

Аннотация. Псковская область характеризуется неблагоприятной алкогольной ситуацией и оттоком молодежи. Цель статьи заключается в том, чтобы продемонстрировать, как представления молодежи об алкоголизме соотносятся с местностью проживания, чувством принадлежности к ней и миграционными намерениями. По результатам анализа 88 интервью, собранных в ходе экспедиции в Псковскую область, выявлено, что алкоголизм местных жителей воспринимается молодежью как угрожающий их идентичности. В ответ на угрозу позитивная идентичность поддерживается: 1) через оправдание сложившейся ситуации, в которой молодежь вынуждена существовать; 2) через проблематизацию, сопровождающуюся усилением категоризации людей и мест по признаку наличия или отсутствия алкоголизма, и планирование изменения алкогольной ситуации на локальной территории; 3) через противопоставление «тех, кто уехал», «тем, кто остался» по принципу «либо остались и пьют, либо уехали». Основным выводом заключается в том, что молодые люди оберегают позитивную идентичность физическим и социальным дистанцированием от «пьющих», в том числе формируя миграционные намерения.

Ключевые слова: алкоголизм • потребление алкоголя • пьянство • угроза идентичности • локальная идентичность • миграционные намерения • молодежь • Псковская область

DOI: 10.31857/S0132162524060095

Введение. Потребление алкоголя ежегодно уносит жизни, становится причиной большого количества хронических заболеваний, травм и происшествий. В общественном мнении алкоголизм воспринимается как злободневная проблема, которая устойчиво входит в первую десятку рейтинга проблем страны на протяжении многих лет¹. Одним из наиболее пострадавших от алкоголизации регионов европейской части России является Псковская область, где ежегодная заболеваемость «алкоголизмом» и «алкогольным психозом» превышает общероссийские показатели более чем в два раза². По этим показателям исследователи относят Псковскую область к лидерам Северо-Западного федерального округа (СЗФО) [Немцов и др., 2018; Глушкова и др., 2022]. Регион также отличается сочетанием низкого индекса человеческого развития (ИЧР) и высокого уровня расходов на покупку алкоголя [Скоков, 2021]. Самими местными жителями алкоголизм воспринимается как фактор, ухудшающий их жизнь [Ефимова и др., 2018].

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

¹ Положение дел в регионе и актуальные для людей проблемы. 2020. Пресс-выпуск ФОМ. 13 Февраля. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14346> (дата обращения: 08.07.2023).

² Заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом алкоголизма и алкогольного психоза на 100 тыс. населения. 2023. Росстат. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/41703> (дата обращения: 29.06.2024).

В свою очередь, контекст «проблематизированного места» накладывает отпечаток на идентичность людей [Hugh-Jones et al., 2009], а территориальная стигма может как способствовать, так и препятствовать привязанности к месту [Kirkness et al., 2017]. В таком случае возникает «теньевая сторона привязанности», которая характеризуется сосуществованием позитивных и негативных чувств к месту жительства [Exploring the Shadow Side..., 2013]. Сталкиваясь с распространением алкоголя и наркотиков в месте своего проживания, люди испытывают негативные эмоции, связывают городские «места страха» со «своими Другими» [Радина, 2012] и стремятся дистанцироваться от «пьющих» [Bezdek et al., 2006: 162–163]. Важно отметить, что потребление алкоголя или отказ от него являются культурными признаками категоризации, маркерами идентичности и принадлежности к той или иной социальной группе [Room et al., 2002]. Более того, на некоторых локальных территориях воспринимаемая граница между теми, кто «пьет», и теми, кто «не пьет», является индикатором легитимности «коренной идентичности» наряду с понятиями «коренного» и «некоренного», прошлого и настоящего [Prussing, 2007]. В связи с этим заслуживает внимания то, как восприятие алкоголизма и зависимых от алкоголя людей на «проблематизированной» территории соотносится с идентичностью тех, кто не причисляет себя к ним.

Методология исследования. Имеющийся небольшой опыт исследований идентичности в отношении алкоголизма сфокусирован преимущественно на переживаниях угрозы стигмы самими зависимыми, их самостигматизации и ее последствиях для здоровья. Меньше внимания уделяется восприятию обществом алкоголизма и зависимых от алкоголя людей. Единичными являются исследования успешных примеров коллективного отказа от алкоголя местными жителями различных локальных территорий страны, в основе которых лежит личный пример ближайшего окружения [Задорин и др., 2017]. При этом практически отсутствуют исследования угрозы идентичности тех, кто не считает себя зависимым и дистанцируется от них. Отечественные публикации о социальных аспектах «угрозы идентичности» единичны, а в отношении потребления алкоголя отсутствуют.

Как правило, зависимые от алкоголя люди стереотипно воспринимаются как опасные, ненадежные, слабые и заслуживающие порицания люди [Nieweglowski et al., 2018]. Поэтому алкоголизм считается одним из самых стигматизируемых состояний [Peter et al., 2021]. Согласно концепции Т. Шмадер и Б. Маджор, созданные стигматизированные образы способны обесценивать социальную идентичность. Нежелательные характеристики в сочетании с ситуационными сигналами и вкупе с желаемой для себя идентичностью образуют культурные репрезентации, осознание которых заставляет испытывать угрозу идентичности [Schmader et al., 2017]. Иными словами, это не что иное, как ситуационное опасение быть стигматизированным. Таким образом, ориентируясь на негативные образы, люди могут оценивать ситуацию своего существования как потенциально угрожающую их идентичности. В результате, отвечая на угрозу идентичности, люди либо дистанцируются, либо ассоциируют себя с внешними группами, запуская процессы ассоциации и диссоциации, которые зависят от типа самовосприятия [Dariusz, 2022].

Большинство исследователей фокусируются на угрозе идентичности групп самих зависимых. Как правило, ученые справедливо исходят из того, что алкогелезависимые боятся быть заклеяменными, избегая ярлыка «алкоголика» [May et al., 2019]. Считается, что зависимые от алкоголя сопротивляются распознаванию у себя проблемы с алкоголем только затем, чтобы избежать угрозы идентичности [Morris et al., 2022]. В этом смысле угрозу идентичности испытывают сами алкогелезависимые, проживающие в той или иной местности.

В то же время угрозу идентичности могут испытывать не только зависимые от алкоголя люди, но и те, кто не относит себя к ним и при этом проживает рядом с ними на одной территории. Важно отметить, что под условными «непьющими» в настоящем исследовании подразумеваются те, кто противопоставляет себя зависимым от алкоголя. Есть подтверждения, что местные жители, находясь в условиях социального давления, побуждающего к употреблению алкоголя, дистанцируются от тех, кого они считают «пьющими», ищут

поддержку идентичности непьющего, изменяют свой социальный статус и взаимоотношения с окружающими [Bezdek et al., 2006: 162–163; Prussing, 2007: 501–502]. При этом в ситуациях угрозы идентичности люди прибегают к различным способам ответа на эту угрозу, стремясь к воспроизводству позитивной идентичности [Schmader et al., 2017]. Например, они могут искать места, которые поддерживают самовосприятие индивидов, в том числе с вероятностью переезда в другую местность [Twigger-Ross et al., 1996; Manzo, 2003].

Исходя из сказанного выше, можно предположить, что, во-первых, угрозу идентичности могут испытывать не только представители группы алкоголезависимых, но и те, кто не причисляет себя к ней, проживая на одной локальной территории с теми, кого определяет как «пьющих». Во-вторых, восприятие алкоголизма и зависимых от алкоголя людей, сложившееся на локальной территории, соотносится с чувством принадлежности местных жителей к территории проживания и сопровождается чувством угрозы идентичности. В-третьих, предполагается, что в ответ на эту угрозу люди разными способами поддерживают позитивную идентичность. В-четвертых, восприятие алкоголизма и зависимых от алкоголя людей будет репрезентироваться в контексте миграционных намерений жителей локальных территорий Псковской области как способа справиться с угрозой идентичности и поддержать позитивную идентичность.

Методы. Статья подготовлена по материалам экспедиции в Псковскую область. Исследование проводилось методом полупоформализованного интервью, выборка – восьми-оконная [Штейнберг, 2021: 130].

Выбор Псковской области для исследования изначально был обусловлен особенностями планирования экспедиций сразу в несколько регионов разных федеральных округов страны, отличающихся друг от друга по ряду параметров, но при этом объединенных проблемой оттока молодежи (Челябинская область, Псковская область, Карачаево-Черкесская Республика и Камчатский край). Автор данной статьи руководил экспедицией в Псковскую область, состоявшейся в период с 30 апреля по 8 мая 2022 г. по программе НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново»³. Экспедицией было охвачено семь населенных пунктов Псковской области разного типа (города Псков, Печоры, Себеж и Порхов, п.г.т Пушкинские горы, п. Палкино, с. Середка).

По уровню социально-экономического развития Псковская область занимает позиции ниже средних⁴, по уровню заработной платы – низкие⁵, по уровню инновационного развития – близкие к низким⁶. При этом, хотя регион считается привлекательным с точки зрения туризма, уровень развития туристской отрасли и гостиничной инфраструктуры вкупе с ее доходностью, не является высоким⁷. Кроме того, Псковщина относится к группе регионов СЗФО с высокой естественной убылью населения [Глушкова и др., 2022], самой высокой среди регионов СЗФО⁸ [Шабунова и др., 2023]. Смертность здесь превышает рождаемость

³ Вспомогательный сбор и первичная обработка части эмпирических данных (интервьюирование, транскрибирование) осуществлялась группой студентов по проекту «Модели локальной идентичности и социально-политические практики молодежи Псковской области». Информация о проекте и участниках содержится на сайте НИУ ВШЭ в разделе «Ярмарка проектов». Автор выражает благодарность всем причастным к сбору и обработке данных.

⁴ Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2021 года. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220516/630222174.html> (дата обращения: 08.07.23).

⁵ Рейтинг регионов по зарплатам – 2022. URL: <https://riarating.ru/infografika/20221121/630232854.html> (дата обращения: 08.07.23).

⁶ См.: Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 7. М.: НИУ ВШЭ, 2021.

⁷ Национальный туристический рейтинг – 2022. URL: <https://russia-rating.ru/info/21283.html> (дата обращения: 08.07.23).

⁸ Компоненты изменения общей численности населения // Псковстат. 2021. URL: https://pskovstat.gks.ru/storage/mediabank/NAS220826_1.htm (дата обращения: 08.07.23).

в три раза⁹. Усугубляет ситуацию и высокий отток населения из региона в крупные мегаполисы (чаще всего псковичи уезжают в Санкт-Петербург, Ленинградскую область, Москву и Московскую область)¹⁰. Только за 2021 г. население Псковской области сократилось на 6,8 тыс. чел.¹¹ В этой связи важно отметить, что отрицательный прирост трудоспособного населения региона происходит в возрастных группах от 20 до 35 лет¹², что в том числе указывает на миграционный отток молодежи. Существуют эмпирические подтверждения, что межрегиональная миграционная активность особенно присуща молодежи в связи с массовым получением профессионального образования и выходом на рынок труда [Кашницкий и др., 2016]. В отношении межрегиональной миграции Псковская область классифицируется как регион-донор трудовых ресурсов [Шабунова и др., 2023]. С учетом перечисленных обстоятельств, типичных с точки зрения миграционной активности и трудового потенциала, а значит, и стремления покинуть регион проживания, был определен эмпирический объект исследования – молодежь в возрасте 22–35 лет, проживающая в населенных пунктах Псковской области разного типа (города Псков, Печоры, Себеж и Порхов, п.г.т Пушкинские горы, п. Палкино, с. Середка). Нижняя граница возраста скорректирована исходя из того, что к 22 годам молодежь обычно получает профессиональное образование (как среднее специальное, так и высшее) и массово выходит на рынок труда. Верхняя граница определяется законодательством РФ.

Важно отметить, что спецификой восьмиоконной выборки является обогащение исследования рассмотрением объекта с разных позиций за счет сочетания мнений разных типов респондентов, в том числе экспертов. Поэтому помимо типичных респондентов (ТР), стремящихся покинуть место жительства, в основную выборку вошли нетипичные респонденты (НР), желающие остаться в регионе, специфические респонденты (СР), такие как «пришлые» и «возвратившиеся» и эксперты (Э), связанные с решением проблем молодежи. Следует пояснить, что в отличие от ТР, НР характеризуются стремлением остаться у себя в регионе. СР выделяются на фоне других наличием нестандартного опыта, связанного с миграцией из изучаемого региона и обратно, а также переселением из других мест. Таких респондентов условно можно назвать «возвращенцами» и «приезжими» («пришлыми»). В соответствии с правилами конструирования восьмиоконной выборки, НР и СР схожи по социально-демографическим параметрам с ТР, поэтому они также представлены современными молодыми взрослыми в возрасте от 22 до 35 лет, которые составляют костяк трудоспособного населения.

Окно Э, в свою очередь, представлено респондентами, тесно взаимодействующими по роду своей деятельности с молодежным сообществом того или иного населенного пункта и региона, знающими область молодежной политики и молодежных практик из различных источников. Однако поскольку целью данного исследования является выявление восприятия алкоголизма и зависимых от алкоголя людей молодежью 22–35 лет, то в выборку включены эксперты данного возраста. При этом, согласно правилам конструирования восьмиоконной выборки, они являются носителями разнообразных миграционных практик.

Применялся метод полужурналистского интервью, который позволяет вычленивать как позитивную, так и негативную тональность восприятия респондентами окружающих людей. Из 160 собранных интервью для анализа было отобрано 88 интервью с молодыми жителями и экспертами по молодежной политике 22–35 лет из семи населенных пунктов Псковской области разного типа (города Псков, Печоры, Себеж и Порхов, п.г.т

⁹ Глава Псковской области сообщил о сокращении вдвое числа жителей с середины прошлого века. 2023. ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20872475> (дата обращения: 29.06.24).

¹⁰ За год население Псковской области сократилось больше чем на 5 тысяч человек. 2021. 10 февраля. ГТРК «Псков». URL: <https://gtrkpskov.ru/news-feed/lenta-novostej/16137> (дата обращения: 29.06.24).

¹¹ Компоненты изменения общей численности населения. Псковстат. 2021. URL: https://pskovstat.gks.ru/storage/mediabank/NAS220826_1.htm (дата обращения: 29.06.24).

¹² Псковская область в цифрах. 2022: Краткий статистический сборник / Псковстат. Псков, 2022. С. 23–24.

Пушкинские горы, п. Палкино, с. Середка), в которых присутствовали суждения о потреблении алкоголя местными жителями. Исследование сфокусировано на том, как молодежь, имеющей разные миграционные намерения, воспринимаются алкоголизм и зависимость от алкоголя люди с точки зрения локальной идентичности и какими способами эта идентичность поддерживается.

Восприятие масштабов распространения алкоголизма и его источники. В общей оценке распространенности потребления алкоголя на местности проживания респонденты руководствуются несколькими источниками: слухами (приходилось слышать или нет), наблюдениями на местности (приходилось видеть или нет), личным опытом (приходилось сталкиваться со случаями в собственном ближайшем окружении или нет), статистическими данными (приходилось ли изучать статистические данные или нет) и информацией правоохранительных органов (осведомленность об оперативных мероприятиях, штрафах и задержаных). Особенностью является то, что эксперты в своих оценках более осторожны и предпочитают доверять объективным данным (статистике и результатам тестирования). Если речь идет о личном опыте, то он проецируется и на восприятие алкогольной ситуации: *«Ну, элементарно мы сами, например, как бы не пьем, да и дома у нас никто не пьет, и знакомые у нас не пьют практически, за исключением праздников. То есть стало меньше [в поселке], раньше это было более как-то так»* (жен., Печоры, 30 лет, НР). В данном случае в оценке алкогольной ситуации респонденты ориентируются на свой личный опыт и ближайшее окружение, в котором определяется наличие зависимых от алкоголя.

В своем восприятии алкогольной ситуации наиболее устойчиво молодежь обращается к увиденному лично и услышанному со стороны. Когда эти источники сравниваются и обнаруживается несоответствие поступившей информации, то при оценке ситуации на местности проживания отдается предпочтение увиденному лично. Одновременно с помощью категоризации респонденты делят сообщество условно на «пьющих» и «не пьющих»: *«Ну, конечно, у меня те, с кем я общаюсь, так же говорят, что многие там по вечерам отдыхают [пьют]. Но я такого не вижу. Там, чтобы кто-то валялся где-то в канавах, такого не вижу»* (муж., Порхов, 30 лет, СР); *«Ну, скажем так, я об этом слышал почему-то от некоторых людей. Я слышал, что типа в Печорах много пьяниц, но лично я не встречал. Но так в целом, чтобы я вот ходил по улицам и все время видел. Нет, такого не слышал»* (муж., Печоры, 34 года, НР).

Предпочтение доверять увиденному скорее свидетельствует о том, что случаи алкоголизма легче увидеть, чем, например, случаи наркомании, поскольку в отличие от нее алкоголизм – более распространенная и менее стигматизированная практика. О наркомании, действительно, респонденты отмечали, что доверяют больше услышанному. Аналогично, с чьих-то слов, люди так же судят о преступных группировках и субкультурах, которые воспринимаются как опасные [Радина, 2012].

Поддержание позитивной идентичности: оправдать или проблематизировать алкогольную ситуацию? Суждения о распространенности алкоголизма на локальных территориях основаны на противоположных тенденциях восприятия, с помощью которых производится поддержание позитивной идентичности. Первый способ поддержания позитивной идентичности – оправдание сложившейся ситуации, в которой вынуждены существовать респонденты и оставаться на «проблематизированной» территории. «Оправдание», в свою очередь, осуществляется следующими способами:

1) **обесценивание** – алкогольная ситуация обесценивается и низводится до более угрожающих примеров, на фоне которых ситуация не так и страшна: *«Меньше среднего, точнее, как, это не является проблемой. У нас, там, не убивают за деньги, чтобы купить»* (муж., Печоры, 24 года, СР);

2) **обобщение** – респонденты прибегают к обобщениям, которые отражают усвоенность общественного мнения: *«Ну, то, что, как обычно, это, наверное, в каждом городе у нас есть, по-русски говоря, алкаши, наркоманы»* (жен., Себеж, 22 года, НР);

3) **отождествление пьянства с местностью** – респонденты соотносят потребление алкоголя с образом местности, защищая право местных жителей пьянствовать на конкретной территории: «У нас такая **«воинственная область»**, и у нас любят помахаться многие... это все случается на синюю голову» (муж., Пушкинские горы, 24 года, ТР);

4) **демонстрация отсутствия опасений по отношению к пьющим** – восприятие выпивших как не представляющих опасности: «Вроде все мужики страшные, так сказать, **все выпившие, а идешь, оказывается, все это знакомые, здороваешься. И не так страшно у же становится. То есть я считаю, что безопасный город отчасти** (муж., Псков, 22 года, Э).

Напротив, другая часть респондентов, оценивая масштабы алкоголизма, демонстрировала обеспокоенность сложившейся ситуацией, проблематизируя потребление алкоголя. Им характерен второй способ поддержания позитивной идентичности – **«проблематизация»**, сопровождающаяся усилением категоризации людей и мест по признаку наличия или отсутствия алкоголизма и планирование изменения алкогольной ситуации на локальной территории:

1) **гиперболизация** – характеристики явления усиливаются сравнением с чем-то большим и запоминающимся: «А там бутылок из-под алкоголя просто **мерено-немерено было...** Это кто-то выпил, а там количество алкоголя, я не знаю, можно было пятнадцать рот солдат напоить» (жен., Пушкинские горы, 22 года, ТР);

2) **выражение опасений, связанных с пьющими** – демонстрируется, что зависимые от алкоголя создают проблемы для местности и делают ее небезопасной: «Здесь точно нет [не безопасно], потому что были такие ситуации, **стычки – это такое присущее населению, которое злоупотребляет алкогольными напитками**» (муж., Пушкинские горы, 24 года, ТР);

3) **наवेशивание ярлыков** – пьющие местные жители категоризируются как «алкаши» («У нас либо **«алкаши»**, либо **«трудоголики»**) (муж., Пушкинские горы, 23 года, ТР). Это предполагает существование чужой для респондентов группы людей, которой дается преимущественно негативная моральная оценка. По ряду индикаторов также определяется наличие или отсутствие алкогольной проблемы на локальной территории и проводится граница между условными группами «пьющих» и «непьющих»;

4) **предложение альтернатив пьянству** – респонденты рассуждают об альтернативах алкоголю в виде развития спорта или простого общения за чаем: «Я планирую, будут у меня там дети свои... Я не хочу, чтобы они там сидели с бутылкой пива и просто пили. Я хочу, чтобы они пошли, поиграли в баскетбол, пинали мяч в ворота» (муж., Середка, 25 лет, Э); «Если бы мы с вами бы вечером всегда бы, ну, какими-то вечерами, смотрели бы фильмы и пили бы чай, а не алкоголь и ели бы пряники или что-то либо еще, это бы объединило бы нас с тобой или нет? Конечно бы да. И это было бы классно» (муж., Себеж, 35 лет, Э).

Среди признаков категоризации, помимо наблюдаемого поведения окружающих, – атрибуты (бутылки и проч.), события (мероприятия, вечеринки и т.п.) и локации разного уровня, в том числе узнаваемые места в населенном пункте (поселок, дом культуры, общепит, «домики у озера», «трубы», «парковочная площадка» и т.д.): «**Есть такое место, «трубы» у нас в Пушкинских горах. И понимаете, мы когда туда пришли, у нас ушло мешков десять огромных, просто на то, чтобы убраться бутылки**» (жен., Пушкинские горы, 22 года, ТР); «Те же самые молодые ребята собираются в парке на той же самой сцене ее разбирают потихоньку и просто там **бутылки кидают** в эту же сцену» (жен., Порхов, 30 лет, ТР).

В последнем случае приведенным примерам «локаций пьянства» противопоставляются «локации трезвости»: «И.: А другие какие-нибудь есть места? [кроме мест, где пьянствуют]. Р.: Ну, чисто те, кто здоровый образ жизни ведет, любит погулять: **Михайловское, Петровское, Тригорское. Так – рыбку половить**» (муж., Пушкинские горы, 23 года, ТР).

Таким образом, респонденты поддерживают свою позитивную локальную идентичность через негативную характеристику «чужой» группы пьющих, обосновывая свое право проживания на той или иной местности.

Местный алкоголизм и миграционные намерения: остаться и пить или уехать? Важно отметить, что восприятие алкоголизма связывается местными жителями

с провинциальностью, алкоголь здесь выступает символом провинции: **«В провинциальных городках это в основном заканчивается алкоголем»** (жен., Порхов, 30 лет, ТР). С потреблением алкоголя также связываются усредненные характеристики молодых местных жителей: **«Он [средний представитель молодежи] катается на тачках, он пьет пиво около "Пробки"»** (жен., Порхов, 33 года, Э).

Респондентами упоминается, что местная молодежь практически не имеет альтернатив, кроме выпивки, особенно если она не трудоустроена. Возможно, именно здесь возникает противоречие между стандартами образа жизни и условиями развития местной культурной инфраструктуры [Зубок и др., 2020: 151], которая не только не способна отвлечь от употребления алкоголя, но и делает его чрезвычайно доступным: **«Молодежи скучно здесь, на самом деле, они либо начинают выпивать, либо начинают выживать... Здесь, если ты не работаешь, то, наверное, выпиваешь»** (муж., Пушкинские горы, 24 года, ТР); **«В принципе, в Порхове достаточно у нас молодежи "такой". У нас "пивнух", прости-те, на каждом углу»** (жен., Порхов, 27 лет, ТР).

В этом смысле место проживания как «локация пьянства» противопоставляется крупным городам, как более продвинутым в отношении проведения досуга, уменьшающего шансы потреблять алкоголь (в логике респондентов): **«Ребята, которые приезжают из Москвы, Питера сюда жить, тоже говорят, как вы тут живете, здесь скучно, ходить некуда, все пьют»** (жен., Пушкинские горы, 28 лет, ТР); **«А я не пью. А в Питере без выпивки можно развеселить себя. То есть там клубы отличаются, ну, настоящий клуб там отличается. Это ночная жизнь. Поэтому без выпивки можно там как бы круто. То есть здесь для меня ходить неинтересно [в клуб]»** (муж., Порхов, 30 лет, СР).

Таким образом, в представлениях местных жителей существует более цивилизованный мир, в котором нет нужды употреблять алкоголь, который находится за пределами места проживания. Ожидается, что «те, кто уехал», в положительном смысле противопоставляются «тем, кто остался» по принципу «либо остались и пьют, либо уехали»: **«Все моего возраста, все отсюда уехавшие, в принципе. Те, которые остались, кто тут бухают, не знаю, там, ходит пьяный каждый день и всё, работают в лесу там. Железо сдают – потом пузырь покупают»** (муж., Середка, 24 года, ТР); **«У нас либо алкаши, либо те, кто сразу после учебы уезжают»** (муж., Пушкинские горы, 23 года, ТР). Таким образом, третий способ поддержания позитивной идентичности в ответ на угрозу – «противопоставление» «тех, кто уехал», «тем, кто остался» по принципу «либо остались и пьют, либо уехали».

Проживая в своем населенном пункте, оставаясь в нем, респонденты отмечают, что из-за окружения они тоже рискуют стать алкоголезависимыми, однако не хотят походить на них: **«Контингент. То есть люди как таковые здесь они довольно агрессивны. Они довольно низкого интеллектуального уровня развития. Из каких-то их целей, которые они преследуют, – это алкоголь. То есть у меня очень много друзей, которые здесь спиваются, и, собственно, находясь в такой атмосфере, тебя тянет то же самое»** (муж., Порхов, 31 год, ТР). Недолгое пребывание в своем населенном пункте расценивается как шанс оставаться непьющим и наоборот, остаться надолго – значит спиться: **«Мне здесь нравится находиться. Но только недолго. Если долго находиться, то, может быть, я здесь начну пить»** (муж., Палкино, 28 лет, ТР).

Стигматизация членов чужой группы достигается признанием различий на основе характеристик, которыми наделяются пьющие местные жители как «неуехавшие»: **«А кто остается здесь? У них остается несколько вариантов. Это обильное употребление алкоголя и, возможно, даже каких-то средств незаконных. И, наверное, все. То есть большинство людей, которые остаются, просто спиваются»** (муж., Середка, 25 лет, Э).

Таким образом, алкоголизм – индикатор негативной идентичности тех, кто «не уехал»/«остался» и наоборот, «уехавшие» противопоставляются им, как сохранившие позитивную идентичность.

Выводы. В своем восприятии алкоголизма наиболее устойчиво молодежь обращается к увиденному лично и услышанному со стороны. Когда эти источники сравниваются

и обнаруживается несоответствие поступившей информации, то отдается предпочтение увиденному лично. Поэтому в своих представлениях об алкогольной ситуации молодежь опирается на собственный опыт.

Исследование показало, что с точки зрения поддержания идентичности, связанной с местом проживания, люди прежде всего оправдывают продолжение обитания в сложных условиях (в данном случае в «проблематизированном» социальном контексте), стремясь сохранить позитивную идентичность. В ответ на угрозу идентичности оправдание алкогольной ситуации обесценивает ее, а проблема алкоголизма низводится до более угрожающих примеров. Здесь респонденты прибегают к обобщениям, которые в том числе отражают успокоенность общественного мнения и готовность смириться с наличным положением («все пьют»). В том числе это соответствует выводам об амбивалентном характере восприятия местности проживания, где негативная привязанность сосуществует с позитивной, что называют «теневой стороной привязанности».

С другой стороны, молодежь сознательно проблематизирует место проживания, ссылаясь на всеобщий характер пьянства, которое грозит им самим. В этом случае проблематизация алкогольной ситуации сопровождается усилением категоризации людей и мест по признаку наличия или отсутствия алкоголизма, производится стигматизация и демонстрируется дистанцирование от пьющих и мест их обитания. Одновременно предлагаются альтернативы пьянству. Например, активно настроенная молодежь, не стремящаяся покинуть местность проживания, демонстрирует желание изменить алкогольную ситуацию к лучшему, сделав жизнь для себя и окружающих более комфортной.

В конце концов, сохранение позитивной идентичности мыслится через «миграционный» дискурс, в котором сообщество устойчиво разделяется на «оставшихся» и «уехавших» и категоризируется на «пьющих» и «непьющих». Таким образом, наряду с иными способами поддержания позитивной идентичности формируются и миграционные намерения через противопоставление «тех, кто уехал», «тем, кто остался», по принципу «либо остались и пьют, либо уехали». Этот результат имеет значение для исследований того, как негативные образы места соотносятся с миграционными установками местных жителей. Вероятно, в качестве реакции на угрозу идентичности в данном случае формируются миграционные намерения, связанные со стремлением дистанцироваться от пьющих людей, как в социальном, так и в физическом смысле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глушкова А.В., Карелин А.О., Еремин Г.Б. Злоупотребление взрослого населения алкоголем как маркер социально-экономического неблагополучия территории // Гигиена и санитария. 2022. Т. 101. № 8. С. 985–991. DOI: 10.47470/0016-9900-2022-101-8-985-991.
- Ефимова А.А., Каменская Е.В., Степанова И.А. Жизнь псковских сельских жителей через призму благосостояния: теория и практика // Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии. 2018. № 1. С. 44–52.
- Задорин И.В., Зотова В.А. и др. «Территории трезвости»: опыт принятия и обеспечения коллективных решений по ограничению производства, распространения и потребления алкогольных напитков в сельских поселениях и поселках»: аналитический отчет по результатам исследования. М.: ЦИРКОН, 2017.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Культурная жизнь и культурные практики молодежи малых городов: особенности саморегуляции // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 3. С. 140–156. DOI: 10.17805/zpu.2020.3.11.
- Кашницкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 169–203. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-3-169-203.
- Немцов А.В., Шельгин К.В. Зависимые от алкоголя явления. Ситуация в Северо-Западном Федеральном округе // Наркология. 2009. Т. 8. № 12(96). С. 44–52.
- Радина Н.К. Социальная психология городского образа жизни: город страха // Социальная психология и общество. 2012. № 1. С. 126–141.

- Скоков Р.Ю. Благополучие в российских регионах и перспективы антиалкогольной политики // Региональная экономика: теория и практика. 2021. Т. 19. № 9(492). С. 1610–1646. DOI: 10.24891/re.19.9.1610.
- Шабунова А.А., Груздева М.А., Соколова А.А. Людские ресурсы СЗФО: движение и локализация // Журнал «ЭКО». 2023. Т. 53. № 8. С. 35–56. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-8-35-56.
- Штейнберг И.Е. Метод «длинного стола» в качественных полевых социологических исследованиях. М.: ВЦИОМ, 2021.
- Bezdek M., Spicer P. Maintaining Abstinence in A Northern Plains Tribe // Medical Anthropology Quarterly. 2006. No. 20(2). P. 160–181.
- Dariusz D. Association with and Dissociation from Groups in Response to Personal and Social Identity Threats: The Role of Self-Construal and Anxiety // The Open Psychology Journal. 2022. No. 15(1): e187435012208151. DOI:10.2174/18743501-v15-e2208151.
- Exploring the Shadow Side: Place Attachment in the Context of Stigma, Displacement, and Social Housing // Place Attachment: Advances in Theory, Methods and Applications / Ed. by L.C. Manzo. London: Routledge, 2013. P. 178–190.
- Hugh-Jones S., Madill A. The Air's Got to Be Far Cleaner Here: A Discursive Analysis of Place-Identity Threat // British Journal of Social Psychology. 2009. No. 48(4). P. 601–624.
- Kirkness P., Tijé-Dra A. (eds) Negative Neighbourhood Reputation and Place Attachment. The Production and Contestation of Territorial Stigma. London: Routledge, 2017.
- Manzo L.C. Beyond House and Haven: Toward a Revisioning of Emotional Relationships with Places // Journal of Environmental Psychology. 2003. No. 23(1). P. 47–61.
- Markus H.R., Kitayama S. Culture and The Self: Implications for Cognition, Emotion, and Motivation // Psychol Review. 1991. No. 98(2). P. 224–253.
- May C., Nielsen A.S., Bilberg R. Barriers to Treatment for Alcohol Dependence // Journal of Drug and Alcohol Research. 2019. No. 8(2). P. 1–17. DOI: 10.4303/jdar/236083.
- Morris J., Moss A.C. et al. The 'Alcoholic Other': Harmful Drinkers Resist Problem Recognition to Manage Identity Threat // Addictive Behaviors. 2022. No. 124. P. 107093. DOI: 10.1016/j.addbeh.2021.107093.
- Nieweglowski K., Corrigan P.W. et al. Exploring the Public Stigma of Substance Use Disorder Through Community-Based Participatory Research // Addiction Research and Theory. 2018. No. 26(4). P. 323–329. DOI: 10.1080/16066359.2017.1409890.
- Peter L.-J., Schindler S. et al. Continuum Beliefs and Mental Illness Stigma: A Systematic Review and Meta-Analysis of Correlation and Intervention Studies // Psychological Medicine. 2021. No. 51(5). P. 1–11. DOI: 10.1017/s0033291721000854.
- Prussing E. Reconfiguring the Empty Center: Drinking, Sobriety, and Identity in Native American Women's Narratives // Culture, Medicine & Psychiatry. 2007. No. 200731(4). P. 499–526. DOI: 10.1007/s11013-007-9064-0.
- Room R. Sato H. Editors' Introduction. Drinking and Drug Use in Youth Cultures: 1. Building Identity and Community // Contemporary Drug Problems. 2002. No. 29. P. 5–11.
- Schmader T., Major B. Stigma, Social Identity Threat, and Health // The Oxford Handbook of Stigma, Discrimination, and Health / Ed. by B. Major, J.F. Dovidio, B.G. Link. No 1, P. 85–103. Oxford University Press, 2017. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190243470.013.3.
- Twigger-Ross C.L., Uzzell D.L. Place and Identity Processes // Journal of environmental psychology. 1996. No. 16(3). P. 205–220.

Статья поступила: 11.07.23. Финальный вариант: 01.07.24. Принята к печати: 03.07.24.

ALCOHOLISM, THREAT TO IDENTITY, AND MIGRATION MOODS (based on materials of an expedition to the Pskov region)

BELOVA Yu. Yu.

HSE University, Russia

Yulia Yu. BELOVA, Cand. Sci. (Soc.), Leading Research Fellow, HSE University, Moscow, Russia (ybelova@hse.ru).

Acknowledgements: This article is implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University.

Abstract. The Pskov region is characterized by an unfavorable alcohol situation and an outflow of young people from the region. The purpose of the article is to demonstrate how young people's ideas about alcoholism correlate with their area of residence, their sense of belonging to it, and their migration intentions. Based on the results of an analysis of 88 interviews collected during an expedition to the Pskov region, it was revealed that alcoholism of local residents is perceived by young people as threatening their identity. Response ways to maintain a positive identity are produced in several ways: 1) through the justification of the current situation in which young people are forced to exist; 2) through problematization, accompanied by increased categorization of people and places based on the presence or absence of alcoholism and planning to change the alcohol situation in the local territory; 3) by contrasting "those who left" with "those who stayed" according to the principle "either stayed and drink, or left". The main conclusion is that people, on the one hand, form migration intentions associated with physical and social distancing from "drinkers", and on the other hand, they seek to transform the area of residence, offering sobriety practices as an alternative to drunkenness practices.

Keywords: alcoholism, alcohol consumption, drunkenness, identity threat, local identity, migration intentions, youth, Pskov region.

REFERENCES

- Bezdek M., Spicer P. (2006) Maintaining abstinence in a Northern plains tribe. *Medical Anthropology Quarterly*. Vol. 20. No. 2: 160–181.
- Dariusz D. (2022) Association with and dissociation from groups in response to personal and social identity threats: the role of self-construal and anxiety. *The Open Psychology Journal*. Vol. 15. No. 1: e187435012208151. DOI:10.2174/18743501-v15-e2208151.
- Efimova A.A., Kamenskaya E.V., Stepanova I.A. (2018) The life of Pskov Rural Residents through the prism of well-being: theory and practice. *Izvestiya Velikolukskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii* [Izvestiya of Velikiye Luki State Agricultural Academy]. No. 1: 44–52. (In Russ.)
- Exploring the Shadow Side: Place Attachment in the context of stigma, displacement, and social housing. (2013) In: Manzo L.C. (eds) *Place Attachment: Advances in Theory, Methods and Applications*. London: Routledge: 178–190.
- Glushkova A.V., Karelin A.O., Eremin G.B. (2022) Alcohol abuse adult population as a marker of the socio-economic problems. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and Sanitation]. Vol. 101. No. 8: 985–991. (In Russ.)
- Hugh-Jones S., Madill A. (2009) The air's got to be far cleaner here: a discursive analysis of place-identity threat. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 48. No. 4: 601–624.
- Kashnitsky I., Mkrtychyan N., Leshukov O. (2016) Interregional Migration of Youths in Russia: A Comprehensive Analysis of Demographic Statistics. *Educational Studies* [Voprosy Obrazovaniya]. No. 3: 169–203. (In Russ.)
- Kirkness P., Tijé-Dra A., eds. (2017) *Negative Neighbourhood Reputation and Place Attachment. The Production and Contestation of Territorial Stigma*. London: Routledge.
- Manzo L.C. (2003) Beyond house and haven: toward a revisioning of emotional relationships with places. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 23. No. 1: 47–61.
- Markus H.R., Kitayama S. (1991) Culture and The Self: Implications for Cognition, Emotion, and Motivation. *Psychol Review*. Vol. 98. No. 2: 224–253.
- May C., Nielsen A.S., Bilberg R. (2019) Barriers to treatment for alcohol dependence. *Journal of Drug and Alcohol Research*. Vol. 8. No. 2: 1–17. DOI: 10.4303/jdar/236083.
- Morris J., Moss A.C. et al. (2022) The 'Alcoholic Other': Harmful drinkers resist problem recognition to manage identity threat. *Addictive Behaviors*. No. 124: 107093. DOI: 10.1016/j.addbeh.2021.107093.

- Nemtsov A.V., Shelygin K.V. (2009) Alcohol dependent phenomena. The situation in the Northwestern Federal District. *Narkologiya* [Narcology]. Vol. 8. No.12(96): 44–52. (In Russ.)
- Nieweglowski K., Corrigan P.W. et al. (2018) Exploring the public stigma of substance use disorder through community-based participatory research. *Addiction Research and Theory*. Vol. 26. No. 4: 323–329. DOI: 10.1080/16066359.2017.1409890.
- Peter L.-J., Schindler S. et al. (2021) Continuum beliefs and mental illness stigma: a systematic review and meta-analysis of correlation and intervention studies. *Psychological Medicine*. Vol. 51. No. 5: 1–11. DOI: 10.1017/s0033291721000854.
- Prussing E. (2007) Reconfiguring the empty center: drinking, sobriety, and identity in native american women's narratives. *Culture, Medicine & Psychiatry*. Vol. 200731. No. 4: 499–526. DOI: 10.1007/s11013-007-9064-0.
- Radina N.K. (2012) Social psychology of urban life: fear city. *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. No. 1: 126–141. (In Russ.)
- Room R. Sato H. (2002) Editors' introduction. Drinking and drug use in youth cultures: 1. Building identity and community. *Contemporary Drug Problems*. No. 29: 5–11.
- Schmader T., Major B. (2017) Stigma, social identity threat, and health. In: Major B., Dovidio J.F., Link B.G. (eds) *The Oxford Handbook of Stigma, Discrimination, and Health*. No. 1: 85–103. Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190243470.013.3.
- Shabunova A.A., Gruzdeva M.A., Sokolova A.A. (2023) Human resources of the Northwestern Federal District: movement and localization. *EKO* [ECO Journal]. Vol. 53. No. 8: 35–56. (In Russ.)
- Shteinberg I.E. (2021) *The "Long Table" Method in Qualitative Field Sociological Research*. Moscow: WCIOM. (In Russ.)
- Skokov R. Yu. (2021) Welfare in Russian regions and the prospects for anti-alcohol policy // *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice]. Vol. 19. No. 9(492): 1610–1646. DOI: 10.24891/re.19.9.1610. (In Russ.)
- Twigger-Ross C.L., Uzzell D.L. (1996) Place and Identity Processes. *Journal of environmental psychology*. Vol. 16. No. 3: 205–220.
- Zadorin I.V., Zotova V.A., Polikashina M.A., Rud' D. S., SHubina L. V. (2017) *"Territories of Sobriety": experience in making and ensuring collective decisions to limit the production, distribution and consumption of alcoholic beverages in rural settlements and towns": analytical report on the results of the study*. Moscow: CIRKON. (In Russ.)
- Zubok Yu. A., Chuprov V.I. (2020) Cultural life and cultural practices of young people in small towns: features of self-regulation. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. No 3:140–156. DOI: 10.17805/zpu.2020.3.11. (In Russ.)

Received: 11.07.23. Final version: 01.07.24. Accepted: 03.07.24.